

А. А. КИРЕЕВ

**Несколько замечаний
на статьи В. С. Соловьева «Великий спор»**

В восьми №№ «Руси» текущего года (1883), за подписью В. С. Соловьева, появился ряд статей, озаглавленных «Великий спор и христианская политика». Статьи эти, замечательные по широте предлагаемой задачи (восстановление церковного единства между православным Востоком, с одной стороны, и католическим и протестантским Западом — с другой), должны, конечно, живо интересоваться всякого понимающего значение религии, в особенности в настоящее время, когда у всего европейского общества шатается под ногами почва, когда оно «изверилось», отвергло прежние идеалы и тщетно ищет новых. Не должно ли быть воссоединение «Церквей» высшею, драгоценнейшей мечтой каждого христианина? Конечно *да*, и всякий, кому дорого христианство, сочтет не только своею обязанностью служить этому святому делу, но и величайшим для себя счастьем принять хотя бы самое малое участие в той трудной и многосложной работе, которая должна ему предшествовать. Нельзя поэтому не сочувствовать надеждам, выраженным г. Соловьевым; но самое это сочувствие, самое желание помочь по мере сил успеху дела и избежать неудачного к нему приступа заставляют меня представить некоторые соображения и существенные оговорки по поводу статей талантливого автора, даже выразить сомнение в успехе дела, если его повести так, как, по-видимому, желает г. Соловьев, считающий возможным теперь же, без коренного, существенного изменения в положении сторон, приступить к их воссоединению. Нет, для заключения мира им недостаточно «простить обоюдные обиды и подать друг другу руку», как думает автор «Великого спора».

В настоящую минуту и при настоящих условиях такой мир, да и вообще какой бы то ни был мир, с католицизмом невозможен, и никакая попытка (повторяю: *в настоящее время*) удалась не может, и *не может не по нашей вине, а по вине католицизма!* Утверждаю

это совершенно сознательно и твердо потому уже, что католицизм, с которым нам пришлось бы иметь дело, теперь совсем не таков, каким его себе представляет, кажется, г. Соловьев, каким он *должен* бы быть и каким действительно *был* в первые века христианской эры.

Основная мысль автора заключается в следующем: христианская Церковь, бывшая в продолжение многих столетий единою (вселенскою и апостольскою) и находившая в своем единстве силы, необходимые для борьбы с ересями, под влиянием разных причин распалась сначала на две, а впоследствии на три враждебные друг другу отрасли. Потеряв свое единство (*таково мнение В.С. Соловьева*), Церковь Христова потеряла вместе с тем и силы, необходимые для борьбы с ее врагами и для дальнейшего раскрытия истины, вообще для исполнения ее призвания. Воссоединившись же, разделенные ныне Церкви, представляющие каждая один из элементов, необходимых для жизни единой вселенской Церкви, уже не истощали бы своих сил в братоубийственной борьбе, как ныне, а, напротив, пополняли бы друг друга и вели бы беспрепятственно вверенные им судьбою народы к совершенству. Отделившись одна от другой, продолжает автор, каждая из частей вселенской Церкви унесла с собою и часть вселенской истины, вверенной Церкви; по восстановлении же единства, каждая из них снова бы вложила в общую сокровищницу ту часть истины, которую, так сказать, временно монополизировала.

Если под этими словами разуметь, что единой святой и апостольской Церкви в настоящее время не существует, то с таким выводом ни в каком случае согласиться нельзя. Если же разуметь, что эта Церковь, хотя и умаленная материально, *существует* и лишь *связана* в своих действиях отделением от нее мира католического и протестантского, ее развитию поставлены преграды, то такой взгляд, конечно, должно признать правильным. По-видимому, г. Соловьев более склоняется к первому: если не ошибаюсь, он полагает, что вселенской Церкви ныне не существует, или по крайней мере, что она существует лишь идеально в православии, католицизме и протестантизме, и будет существовать реально только по воссоединении сих частей... Кажется так?

Восток, говорит г. Соловьев, тщательно оберегал Священное Предание и православный догмат во всей их исконной чистоте; в этом его великая заслуга, ибо догмат есть основание всего здания Христовой Церкви; но Восток виновен в том, что в основании этом он видит как бы всю Церковь, что далее своего предания, которое он вдобавок приурочивает к известному времени и к одной лишь части Церкви, он не идет, — в том, одним словом, что он более *не развивается*. Католицизм представляет, напротив, активную силу Церкви, он вы-

разитель авторитета, без которого невозможно осуществление царства Божия на земле. Он представитель власти и составляет как бы ограду, стену церковного здания; но и католицизм имеет свою вину — в том, что свой авторитет, свою власть, коей представителем является Римский первосвященник, он поставил на почву внешнего, формального права, что он требует господства и прибегает к насилию. В протестантизме, наконец, г. Соловьев видит представителя личной духовной свободы, восставшего против захватов католицизма, против преувеличенных его требований и посягательств на эту свободу, — в этом его заслуга; но и протестантизм виноват в том именно, что религиозную свободу, которая есть венец церковного здания, он принял за его основание и что мерилом истины он поставил личный произвол.

Итак, все имеют заслуги, но все и вины, все имеют качества, но все и недостатки, — что же нужно для восстановления единства Церкви? — Пусть православие, отвечает автор, откажется от косности, протестантизм от произвола, католицизм от стремления к преобладанию; пусть они вновь составят единую Церковь, и пусть Церковь сосредоточится под властью первенствующего центрального авторитета Рима, который тогда ограничится управлением, наставничеством и верховным руководством в делах Церкви, не вторгаясь в область чужой «*potestas ordinis*»¹ и чужой «*potestas sacramenti*»².

Таково *pium desiderium* автора. Посмотрим — насколько оно осуществимо в настоящее время и при современных условиях. Посмотрим — может ли, пожелает ли на него согласиться даже тот, кому, в предположениях автора, дается первенствующее место.

Что такое единение Церквей? Что значит восстановить единую Церковь Христову в том виде, в каком она находилась до несчастного ее разделения? Это значит восстановить между всеми ее частями сопричастие в таинствах, *communio in sacris*, т. е. такое положение Церкви, при котором, например, каждый православный грек мог бы принимать св. Причастие в Виттенберге или Женеве, у каждого немецкого или швейцарского священника, а каждый католик итальянец — в Москве или Афинах, у каждого русского или греческого священника. Иначе ведь не о чем и хлопотать. Очевидно, тут речь не может идти о том только, чтобы хоронить друг у друга покойников (о чем хлопочут англикане), или о том, чтобы воспитывать в себе чувство обоюдного благоволения к лицам других исповеданий: ведь это и теперь составляет обязанность каждого христианина.

При каких же условиях возможно сопричастие в таинствах, *communio in sacris*, между двумя Церквями? Оно возможно лишь тогда, когда обе Церкви, хотя и разнствуя в обряде, исповедуют одну и ту же веру, имеют один и тот же догмат (т. е. когда они в сущности

составляют части одной и той же вселенской Церкви, как, например, синодальная Русская Церковь и патриаршая Константинопольская, или, например, Русская же и Единоверческая). Условие это необходимо, так как вне его не может быть и единой Церкви, которая есть собрание всех истинно, а стало быть, и тождественно верующих.

В настоящее время первым вопросом, подлежащим разрешению, предварительно всякой мысли о воссоединении Церквей, должен быть следующий: у трех главных отраслей христианства — православия, католичества и протестантства — догмат различен; каким же образом достигнуть единения? Ответ, очевидно, может быть только один: посмотреть — у которой из этих трех отраслей догмат истинен, и этот истинный догмат ввести у двух остальных. Очевидно, что если у которой-нибудь из них есть догматы неправильные, их следует устранить, если же некоторых догматов не достает — их нужно ввести. Только при таком условии может быть речь о соединении. Воссоединение не может никоим образом состояться, пока существующие ныне разности не будут устранены.

Отсюда, по-видимому, автору «Великого спора» дело представляется в несколько ином виде: он видит в католицизме не то, что есть, а то, что было когда-то, и то, что могло бы быть. Но, как известно, *a posse ad esse, non valet consequentia*³. Его католицизм действительно можно бы легко соединить с нашим православием, но это не тот, который окончательно определился 18 июня 1870 года на Ватиканском соборе, после которого Католическую Церковь можно называть Церковью лишь настолько, насколько такое выражение применимо к каждому обществу, носящему имя Христово, *в строгом смысле слова*. Церковью Православной, обладающей полною догматической истины, можно признавать лишь нашу Восточную Церковь и ищущую с нами воссоединения Церковь старокатолическую, хотя, конечно, благодать таинств несомненно существует в Римской Церкви, отчасти и в обществах протестантских: и они общества христианские, собрание крещенных людей.

Однако, скажут нам, что же делать? Разве нельзя убедить Запад в догматической истине Востока? Да, конечно, это когда-нибудь и будет, но *этот* путь — *единственно верный, могущий привести к единению* — и длинен, и труден. Религия не есть одна только теория; она глубоко коренится в сердце человека, она обуславливает всю жизнь его и, в свою очередь, обуславливается ею, а Запад более десяти веков живет отдельно от нас и даже враждебно нам жизнью! То, что было когда-то легко, со временем сделалось трудным; с тех пор разности в наших вероучениях не только не смягчались, не сглаживались, а напротив — все увеличивались; разделяющая нас друг от друга пропасть все расширялась, разности принимали более и более

резкий *принципальный* характер. На эту последнюю особенность почтенный автор разбираемых статей не обратил достаточного внимания; разности между католицизмом и православием изменились, если можно так выразиться, не только в отношении количественном, но и качественном; они не только выросли, но и получили другой характер, и некоторые из них из факультативных мнений сделались обязательными догматами.

Вся история католицизма (говорю о его догматической, а не о его культурной стороне) есть великий, строго развивающийся софизм, коего первой посылкой можно считать отлучение папою Львом IX патриарха Михаила Керуллара в 1054 году, а окончательным выводом конституцию 1870 года. Пока Запад будет думать, что этот софизм истина (а не глубочайшая в мире ложь), — все усилия, самые настойчивые и самые бескорыстные *, могут и должны привести лишь к неудаче. О соединении с Западом можно будет говорить лишь тогда, когда он познает свою ошибку. До того времени мы все, — люди, желающие приблизить эту минуту, — должны стараться и можем стараться только об одном: разъяснять ему его догматические заблуждения.

Я назвал католицизм великим софизмом: это действительно так; первоначальная ложь, первоначально выразившаяся в отделении римского патриарха от четырех остальных, развивалась строго логично, с железной последовательностью. Разности, отличавшие в то время Римскую Церковь от восточных, были несущественны; они относились или к обрядам (а в обрядах каждая Церковь вольна), или к богословским мнениям, которые не имели еще никакого характера обязательности, могли быть принимаемы или отвергаемы по произволу. При таком положении дела воссоединение было не только возможно, но и легко; да оно и совершилось в действительности, даже после взаимных отлучений Фотия и Николая **, потому что *догматической* розни в то время еще не было. Была рознь в обрядах, мнениях, в особенности в характере, в направлении богословской мысли. В то время, когда философски настроенный Восток вращался в сфере вопросов метафизических, старался проникнуть в тайны Св. Троицы, естества Христова, когда он уходил в мистику и созерцание, практический Запад, наследник Рима, юриста-политика, давал своим богословским исследованиям, так сказать, практический характер; его по преимуществу занимали вопросы об отношении благодати к свободе, о заслугах человека и т. п., он всему своему богословствованию спешил подводить итоги, делал из него практические выводы. Вначале эти

---

* Не такие, как преступные сделки в Лионе или Флоренции.

** При папе Иоанне VIII.

разности ограничивались мнениями и не порождали непоправимой розни: они, напротив, делали единство церковное более совершенным* и взаимно себя пополняли. Ежели бы Рим, несмотря на особенности своего характера, остался в единении с Востоком, все его мнения, отличные от восточных, и остались бы *необязательными* мнениями. Общее течение богословской науки, постоянные сношения по разным церковным делам, не дали бы им разрастись, окаменеть и сделаться неизменяемыми догматами. К несчастью, этого не было. Запад был изолирован и, будучи в то время мало образован богословски, безо всякой критики превращал свои мнения в догматы и требовал подчинения оным. Именно благодаря логичности, прямолинейности своей мысли Запад и доводил свои послышки до крайних результатов, выводил, не пугаясь последствий, одно положение из другого и шел все дальше и дальше. Понятно, что и опровержение каждого из этих ложных выводов должно было становиться все труднее и труднее. Не мудрено доказать ошибочность какого-нибудь ложного мнения при его возникновении, когда оно является еще изолированным, стоящим отдельно от других, когда оно является ложью, *не вытекающей из предыдущего*: но когда приходится иметь дело с целой цепью ошибочных положений, крепко между собою связанных, когда основание, первое звено всей длинной цепи кроется в тысячелетней старине, когда до него приходится добираться сквозь целый ряд сложных аргументаций, то, конечно, такая задача делается уже гораздо более сложной. Если признать, что первый шаг Рима был правилен, законен, если признать, что Рим был прав, нарушив в IX столетии единство апостольской кафедры, вознесшись над нею, то нужно отказаться ото всякой надежды на дальнейший успех дела; если оправдать Николая I, придется оправдать и Пия IX: если оставить без протеста Римский собор 863 года, постановивший низложить Фотия, придется принять и собор 1870 года. В подтверждение моей мысли позволю себе указать на ход развития некоторых догматических разностей в верованиях католическом и православном. Возьмем Filioque. Вначале оно было богословским мнением, не выходящим из области частного умозрения. Затем им стали пользоваться для достижения целей практических (испанские готы на Толедском соборе). Во время Фотия (т. е. спустя около трех столетий) оно все еще было только мнением, и когда Фотий указал на его неправильность, ему было отвечено, что оно не догмат и необязательно; оно и не могло иметь в то время характера догматического, когда еще и ста лет не прошло с тех пор,

---

* Единство, являющееся примирением двух противоположностей, конечно, выше, совершеннее единства «примордиального», исконного.

как папа Лев III торжественно отказался внести его в Символ веры, несмотря на просьбы Карла Великого, который распоряжался церковными делами на Западе так же бесцеремонно, как у нас Петр Великий. На Флорентинском соборе католики уже требуют от православных, чтобы они непременно приняли *Filioque*, считая его необходимой принадлежностью своей догматики, а на Тридентинском соборе оно уже объявлено догматом*, да еще прибавлено: «a qua (doctrina) christiano non licet aberrare»⁴ (Pars I. Art. VIII, Cap. IX).

Нечто подобное же было и с *Immaculata conceptio Mariae Virginis*⁵. Гиперболические выражения, употребляемые для возвеличения Пресвятой Девы, остающиеся на Востоке в пределах мистики и поэзии, на Западе принимаются в буквальном смысле. Им подводят итоги, является целая масса самых фантастических мнений. Еще знаменитый Бернард Клервоский [1091–1153 гг.] укоряет папу Евгения за то, что он старается распространить такое богопротивное учение, а семь сот слишком лет спустя Пий IX делает из него догмат, и кардинал Ньюман** заявляет, что отныне Св. Троица сделалась более «совершенна»!

Но едва ли не лучшим примером такого превращения мнения в догмат может служить папская непогрешимость. По-видимому, с языческим титулом высшего Pontifex'a к римскому патриарху-примасу переходят и римские наклонности: страсть к политическому могуществу, к превозношению себя над другими, к деятельности практической, к вмешательству в мирские дела. Но вначале эти наклонности сдерживались духом истинного христианства; хотя первенствующее значение римского первосвященника*** беспрепятственно признавалось всеми. Благодаря своему счастливому положению — вдали от светской власти, Риму было не трудно высоко и твердо держать святую хоругвь Христову; и действительно, велики были заслуги Рима перед Церковью! Во время гонения православия на Востоке иерархи и отцы Востока не раз прибегали к его защите и посредничеству****: и, однако, несмотря на все это, несмотря

* [Canones et Decreta sacrosancti et oecumenici concilii Tridentini. Parisiis 1697. стр. 10].

** [Родоначальник так называемого *трактарианства*, появившегося в 30-х годах прошлого (XIX) века в Англии. Ньюман⁶, бывший член высокой Церкви, перешел с течением времени в римскокатоличество.]

*** Основанное на политическом значении Рима, а не на словах Христа, обращенных к Петру, словах, относящихся, даже по толкованию отцов западной Церкви, не к лицу Петра, а к исповеданной им вере.

**** Отсюда впоследствии гордое, но неосновательное «Roma locuta est — causa finite est»⁷.

на обширность власти, римский первосвященник не выходил вначале за ее законные пределы. Сам Рим, устами своего великого папы св. Григория, определяет ее границы и указывает на равенство всех патриаршеских (да и вообще епископских) кафедр. Не менее определенно высказывается и папа св. Мартин*.

Впоследствии, однако, приматство начинает постепенно превращаться в начальство, его человеческое основание стараются заменить несуществующим божественным. Тем временем власть внешняя, политическая растет неудержимо, и мало-помалу папа, ее представитель, превращается сначала в зависимого, а потом и в самостоятельного светского государя. Должно сознаться, что и было чему вскружить голову римского первосвященника. Независимое положение его кафедры, опора, которую он находил в религиозности юных германских народов, сменивших на Западе скептиков-римлян, — все клонилось и направлялось к его политическому возвеличению. Карл Великий получает императорский венец из рук папы Льва, Адриан II пишет Карлу Лысому: «*Я решился вас признать императором*» etc., а Григорий VII уже видит у своих ног стропопитового Генриха IV в убранстве кающегося и молящего о помиловании⁸. В области церковной успехи папства столь же постоянны и велики. С помощью подлогов, сначала малых, боязливых, затем больших и нахальных, римскому приматству дается совершенно новая окраска и новая подкладка; «Исидоровы декреталии» мало-помалу — то, что когда-то пряталось в тени, — не только смело выходит на свет Божий, но защищается даже лицами выдающимися по уму и святости, но вовлеченными в обман (Фома Аквинат). Мнение необязательное превращается в учение Церкви, а затем и в догмат, уже необходимый для спасения. В IX столетии Фотий, отлученный папой, отвечает ему тем же; а в XIII столетии предатель Иоанн Векк⁹ поминает в Св. Софии «господина своего» папу Григория. В XV-м, во Флоренции, Восточная Церковь, в лице отступников иерархов и императора, продает себя за обещание помощи против турок и принимает торжественно унию! Можно ли было не возгордиться, не принять себя действительно за викария Христа? «*Eris sicut Deus*»¹⁰, — нашептывали ему льстецы. Превращение мнения в догмате шло таким образом логично и неудержимо, софизм развивался фатально. После Николая I, Григория VII, Иннокентия III, — *должен был* явиться Пий IX, как после Исидоровых декреталий *должны были* явиться декреты Ватиканского собора. На Констанцском и Базельском соборах еще утверждается, что собор выше папы (это было доказано фактически низложением пап);

---

* О том, что каноны выше папы.

на решение папы допускается апелляция или к папе более сведущему (*ad Papam melius informatum*), или к собору*; но курия идет неудержимо к своей цели, догмат непогрешимости мало-помалу начинает получать определенную форму. Сначала папа признается непогрешимым лишь в единении (единомыслии) с Церковью**, затем совершается «маневр» в виде собирания мнений Церкви разбросанной (*sparsae*)***, и наконец является и личная непогрешимость папы, уже без согласия Церкви (*ex sese*). Я не буду вдаваться в дальнейшие подробности, но позволю себе сделать одно замечание. Чтобы оценить, что сделано провозглашением папской непогрешимости, нужно помнить, что это определение (*definitio*) Ватиканского собора имеет значение не только для будущих изречений папы, но и значение ретроспективное, обратное; этим определением налагается печать непогрешимости на все, что когда бы то ни было сказано было каким бы то ни было папой, *когда он выступал как учитель пасомых*. Обыкновенно защитники папства указывают на то, что папа говорит непогрешимо, лишь когда он говорит «*ex cathedra*»; этому довольно растяжимому понятию приписывают какое-то целебное свойство против заразы непогрешимости, думают укрыться за ним от логических последствий самого догмата; но это может утешить лишь тех, которые не читали самих актов Собора и его иллюстраций — связанных с ними документов. Повторяем: на основании постановлений 1870 года все буллы, *когда бы то ни было* изданные Римом, должны быть признаны изречениями непогрешимыми.

Таково в настоящее время положение вопроса; я не считаю возможным останавливаться на подробностях статей г-на Соловьева, который, очевидно, считает, что папство было оклеветано, и принимает его под свою защиту, даже и тогда, когда оно очевидно неправо****. Но не могу не заметить, что нужно быть очень снисходительным и жить мыс-

* К такой апелляции некоторые епископы сочли возможным прибегнуть даже во времена Климента XI против буллы «Unigenitus» в 1713 году. Заметим кстати, что Пий II буллою «Execrabilis» 1460 года запрещал эти апелляции, которые все-таки оставались в вероучении западной Церкви.

** Так говорится в боссюэтовых тезисах 1682 года.

*** Этот способ открытия истины совершенно неправильно защищают некоторые из наших латинствующих богословов.

**** Например, он утверждает, что мы еще не знаем, что бы сказал Вселенский собор о папстве (мне кажется, что угадать это не трудно), или когда он говорит, что все те, которые стоят за Kulturkampf (т. е. за права государства), суть враги христианства! Неужели можно отождествлять враждебность к современному католицизму, этому законнорожденному сыну иезуитов, — с христианством, столь мало с ним схожим?! Впрочем, сам же г. Соловьев осуждает в других строках и папизм, и вообще ультрамонтанство.

ленно не в настоящем, а в давно минувшем времени, чтобы смотреть на католицизм XIX столетия так, как на него смотрит г. Соловьев, чтобы приравнивать к Вселенской Православной Церкви то политико-религиозное учреждение, которое требует (вопреки яснейшим указаниям Св. Писания) жертвы разума («*sacrificium intellectus*») и которое видело своего главу (Юлия II) в панцире и шлеме штурмующим твердыни непокорной Равенны.

Говоря таким образом о католичестве, о том, к чему оно пришло в настоящую минуту (и пришло вполне *логическим* путем), я весьма далек от того узкого взгляда, который видит в нем лишь дурную его сторону, — наоборот. Конечно, нельзя забывать его культурного значения в долгий период Средних веков, когда он просвещал молодые народы, сделавшиеся наследниками Рима, блестящего участия его представителей в деле возрождения и т. п. Ни один человек, мало-мальски знакомый с историею, не подумает умалять этих заслуг. Это не должно, однако, затемнять факта, что все это величие, весь этот блеск не могли помешать ни отпадению от Рима наиболее образованной части его духовных чад, ни основанию и процветанию ордена иезуитов, ни, наконец, Ватиканскому собору. Для нас важен именно этот конечный логический результат всей истории католицизма, который сделался достоянием ультрамонтанства и иезуитизма, доводящего человека до полного обезличения и нравственного самоуничтожения («*cadaver esto*») и который может излечиться от многочисленных своих ересей не каким-нибудь *частным* исправлением своего вероучения или своих этических идеалов, а лишь полным разрывом со своим прошедшим, с своею тысячелетнею историею, лишь обращением вспять до IX столетия. Рим не исправится, пока не преклонится перед презренным им когда-то *вселенским единством, перед авторитетом вселенской Церкви.*

Некоторые благодушные католики, мало знакомые с историею развития своей собственной Церкви, полагают, что она еще может исправиться, не отрекаясь от себя самой, не разрывая своей исторической связи с своим блестящим прошедшим, именно став «на либеральный путь». Когда я это слышу, мне припоминается разговор мой с генералом иезуитов, патером Бексом, которого я посетил в 1878 году, в Фьезоле, близ Флоренции. Дряхлый вид кривого, неуклюжего, даже смешного 83-летнего старика и его скромная обстановка меня несколько удивили; но вскоре впечатление это изгладилось, после нескольких банальных фраз я почувствовал, что стою перед «Черным Папой», перед самым могущественным человеком в мире, перед воплощением той непреклонной воли, которая довела католический мир до Ватиканского собора и успешно ведет борьбу

с железным канцлером. Речь касалась преимущественно того, что делалось на этом Соборе. «Теперь, — говорил старик, — мы не будем сбиваться с пути, принцип авторитета (так он называл догмат непогрешимости) утвержден». — Я упомянул о либеральной оппозиции. — «Вся эта католическая либеральная партия*, — ответил он с иронической улыбкой, — играла на Соборе жалкую роль (*piteux*). Что такое либеральный католицизм!? Бессмыслица “*una sciochezza*”!» **.

И конечно, он прав; выражение «либеральный католицизм» — самый лучший пример того, что называется «*contradictio in adjecto*»!¹¹ Католицизм только тогда и имеет смысл, только тогда и велик, когда он таков, каким его себе представляли и какой его под конец и сделали Гильдебрандты и Лойолы! Впрочем, каким бы тяжелым ярмом ни легло ультрамонтанское католичество на западное христианство, как бы оно ни отразилось губительно на судьбах романской расы, нельзя жалеть о том, что оно наконец достигло последней степени своего развития. Только теперь, когда оно дошло до абсурда, и может настать та важная историческая минута, когда западный мир от него откажется и от католицизма Григория VII обратится к католицизму Григория I (Великого).

Я заметил выше, что ежели бы соединение Церквей состоялось на тех основаниях, которые указывает г. Соловьев, даже та сторона, которой он отводит первенствующее место, была бы недовольна своим положением, отказалась бы от него. Автор весьма основательно предполагает, что *его* католицизм (тот, который когда-то *был* и которым он заменяет ныне существующий) можно довести до добровольного отказа от своих преувеличений и притязаний; что этот католицизм согласится удовольствоваться тою, немалою, впрочем, властью, которую ему дает г. Соловьев — именно *potestas jurisdictionis*¹². Но тут опять та же беда, то же затруднение, которое встречает всякую частную попытку исправить дело: его *исправить нельзя*, не ломая всего здания, потому что прежнее уклонение от истины (преувеличенный авторитет) сделалось уже неисправимой ложью, еретическим *догматом*. Действительно, в ответ г. Соловьеву, советуемому нам подчиниться папе, который будет довольствоваться одной властью, скромной юрисдикции, ему можно возразить: «Да где же нам добыть такого папу? Такой действительно был тысячу лет тому назад, но теперь его нет. Тот, который сидит в Ватикане, и слышать об этом не хочет, да *и захотел бы, так не может, не имеет права*, ибо его непогрешимый предшественник

* Он перечислил некоторых наиболее выдающихся католических епископов, известных своею ученостью и бывших в оппозиции.

** Мы говорили то по-италиански, то по-французски. Вех — бельгиец.

поставил его в такие рамки, которые вполне исключают скромное и *правильное* понимание слова *jurisdictio*». Это ясно высказано в главе III *Constitutio dogmatica*. Там сказано: «Si quis dixerit Pontificem habere tantummodo officium inspectionis vel *directionis*, non autem potestatem jurisdictionis in *universam Ecclesiam non solum in rebus quae ad fidem et mores...* aut hanc potestatem non esse ordinariam et immediatam... anathema sit» *, т. е. ежели кто-либо скажет, что папа имеет лишь обязанность наблюдения или направления, а не власть юрисдикции во всей Церкви, *не только в делах, относящихся до веры и нравов*, да будет отлучен! — совершенно ясно и категорично, и никакой папа от этого не откажется, да и не может отказаться! Далее, тот папа, которого предполагает г. Соловьев, должен довольствоваться властью, которая бы не брала на себя государственной функции; но тут опять является то же самое затруднение, та же самая невозможность: тот папа, который в действительности властвует в Ватикане, связан своим непогрешимым предшественником, изрекшим *ex cathedra* (буллой), что всякий, кто не признает неприкосновенности «наследия Петра» (*patrimonium Petri*) — анафема! Итак, как только приходится иметь дело не с *воображаемым* католицизмом, а с *действительно существующим*, при первой попытке какого-либо улучшения, изменения, — нам приходится наталкиваться на непреодолимый (ибо неизменный по самому своему существу) догмат непогрешимого верования; так что, прежде какой бы то ни было попытки к сближению с католицизмом, нам приходится решить дилемму, обе части которой одинаково для нас неудобоприемлемы: или мы, православные, должны подчиняться существующему ныне католицизму, чего *мы* не можем сделать (чего и сам г. Соловьев *как будто* от нас не требует), или же этот католицизм должен измениться, улучшиться, — чего *он* не может сделать (ибо *закован* в неизменный догмат).

Из вышесказанного следует, что, несмотря на полное наше желание соединиться с Католической Церковью, в настоящее время, в *настоящем ее положении*, нам с нею ни в какое соглашение войти нельзя, ни под каким видом соединиться нельзя; и нельзя потому, что она находится в состоянии *не схизмы* только, а постоянной неисправимой ереси. От этого факта не отделаешься «игнорированием» его, молчанием о нем; его нельзя «todtschweigen», как говорят немцы (замолчать *до смерти*). Что такое ересь? Это неправильное учение о каком-нибудь *догмате*, это учение, противоречащее откровенной истине, противоречащее доктрине, всеми и всегда исповедуемой. Один из величайших отцов западной Церкви — Викентий Лириинский (V столет.) говорит:

---

* [Acta Con. Vat. yn. cor. col. 429].

«In ipsa item Catholica Ecclesia magnopere curandum est ut id teneamus quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est» *, т. е. и так же в католической Церкви в особенности должно заботиться о том, чтобы держаться того, чему верили всегда, всюду и все. Если бы это мудрое изречение не было забыто западными составителями, или, как они себя величают, «определителями» догматов, если бы правило св. Викентия не было загорожено впоследствии другим, опасным и несоответствующим истине, не было бы и самого несчастного разделения Церквей; по крайней мере оно бы ограничилось легко исправимой схизмой: разумею пагубное мнение, пользующееся большим сочувствием среди католических богословов, что догмат способен к развитию и должен развиваться («sich entfalten», говорят немецкие богословы). Я позволю себе сказать несколько слов об этом важном деле.

В одной из своих статей г. Соловьев справедливо говорит, что жизнь Церкви слагается из двух элементов — божественного и человеческого. Очевидно, что, например, одни таинства недостаточны для утверждения на земле царства Божия, если их не воспринимать с теплотою и *действующею* верою; очевидно тоже, что и догматы недостаточны, если учение, в них заключающееся, *не применять к жизни*. Но на Западе из этой, совершенно правильной, мысли выводят совершенно ошибочные заключения: полагают, что и сама вера должна «развиваться», точно так же, как развивается и жизнь, к которой она применяется (как будто вера может, при известных условиях, оказаться не в версту жизни, могущей ее «опередить» и поставить ей такие задачи, которые она на данной степени своего «развития» разрешить не сумеет!); отсюда мнимая необходимость для веры тоже идти вперед, и развиваться, раскрываться. При этом западные богословы оговариваются **, что ничего нового, что бы не содержалось в вере как скрытая (*latens*) правда, конечно, не утверждается; она лишь определяется (*definitur*) согласно новым условиям жизни, принаравливается к ним. Тут происходит очевидное смешение понятий, могущее повести (и приведшее Запад) к полному извращению догмата.

Конечно, жизнь изменяется, усложняется, куда-то идет; создаются новые интересы, заявляющие о своих правах; все это, конечно, отражается и на тех требованиях, которые жизнь ставит Церкви, представительнице веры. Но из этого следует лишь то, что безусловная и неизменная истина, содержащаяся в догмате, может и должна излагаться применительно к изменяющимся условиям

* [Migne, Patrol, cur. s. I, t. 50, col. 640].

** Как бы предвидя — чем их теория окажется на практике.

жизни, к новым вопросам, которые ставятся жизнью*. Вот в чем и только в этом может заключаться так называемый прогресс в учении веры. Это забывает Католическая Церковь, постоянно «улучшающая» самый свой *догмат*, видящая в этом прогресс. Боже нас избави от такого прогресса! Уж лучше наша косность! Не только *злонамеренное* изменение в догмате, изменение, делаемое из-за каких-нибудь эгоистических побуждений (как, например, в деле превращения приматства в непогрешимое господство); но даже и всякое *изменение в вероучении* не может не иметь вредных последствий. По-видимому, например, преувеличения в почитании Богородицы совершенно безвредны, и однако страсть к «развитию» вероучения повела к тому, что Рим придумал новый догмат и что теперь многие католики вместе с кардиналом Ньюманом радуются данной им возможности более полно (*more completely*) понимать Св. Троицу, отныне «дополненную!».

Вот что говорит св. Викентий Лиринский про страсть новшеств в деле догмата (р. 346–352**): «Все то, о чем не было говорено прежде, не принадлежит к религии, но к искушению (*ad tentationem perlinere*)***. Не могу достаточно надивиться безумию некоторых людей, которые не довольствуются правилами веры, которые были им преподаны издревле (*antiquitus credendi regula*), но все ищут нового и нового, все тщатся придать что-либо религии, изменить в ней, отнять; как будто откровенная однажды истина для них недостаточна; как будто она не божественное (*coelesta*) установление, а человеческое (*terrena*), которое не иначе может совершенствоваться, как лишь тщательным очищением (*emendatione*)!» Это последнее замечание в особенности важно и как будто написано в предвидении появления теории развития догмата.

Неужели же, однако, нет усовершенствования в вероучении? Да, конечно, есть, но оно заключается не в исправлении догмата, а лишь в большем его освещении и применении к жизни; пусть *догмат* распространяется, растет, но да не будет *он изменен в своем определении* («*Crescat, proficiat tam singulorum quam omnium... intelligentia, scientia, sapientia, sed in suo duntaxat genere, in eodem dogmate, eademque sententia*»)****.

Яснее говорить нельзя и вместе с тем нельзя высказать более определенного осуждения теории развития догмата, теории столь же

---

* Посредницею же при этом между человеком и истиною должна быть Церковь.

** Издание парижское 1669 года.

*** [Migne, ун. cor. col. 665].

**** [Там же, col. 668].

опасной, сколько и ненужной! * Полагая, что сказанного мною о ней достаточно для пояснения моей мысли, я возвращаюсь к нашим отношениям к Католической Церкви. Я сказал, что она из схизматической сделалась еретической и что, стало быть, до соединения с нею мы должны ожидать ее очищения от ересей.

В одной из своих статей г. Соловьев говорит, что мы не можем приносить окончательного осуждения папству, потому что о нем не высказался еще ни один Вселенский собор. Но что же это за аргумент? Конечно, Вселенские соборы не могли высказаться неодобрительно о папских притязаниях, но лишь потому, что попытки папства в этом смысле относятся к позднейшей эпохе и вначале были очень скромны, нерешительны, встречая себе сильный отпор не только со стороны иерархов Востока, но и на Западе, где автономия епископских кафедр отстаивалась очень энергично и где самый авторитет папы в деле вероучения признавался лишь с большими ограничениями (стоит припомнить спор св. Киприана Карфагенского с папою Стефаном). К тому же западный софизм только *теперь*, в 1870 году, завершился и закрепил все старые ошибки, превратив окончательно мнения в догматы, «*dubia*»¹³ в «*necessaria*»¹⁴, притом в такие «*necessaria*», от которых теперь и не избавишься. Дело в *данном* случае заключается именно в том характере неисправимости, который получили католические ереси после 1870 года и который заставит, думаем, нашу Церковь смотреть на Церковь Запада не так, как прежде до 1870 года. Но и сам г. Соловьев уверен в том, что *папизм* (употребляем его выражение) был бы непременно осужден Вселенским собором; но мы уже показали выше, что папизм есть только *логическое* последствие той скрытой неправды, которая заключаясь в папстве в эпоху разделения Церквей. Современные католические ереси стали, к несчастью, вполне органическими частями всего римского вероучения, которое после 1870 года уже сделалось неисправимым.

Но что же? Неужели можно допустить, что Запад окончательно потерян для православия? Будем надеяться, что нет; определить время, когда наступит *возможность* воссоединения, конечно, не легко. О будущих событиях, о том, что какой-нибудь фазис истории завершается, можно судить лишь по одному признаку, именно: приходит ли идея, представляемая тем или другим историческим явлением, воплощающаяся в нем, к своему окончательному логическому выводу, или же способна она к дальнейшему развитию в том же самом направлении, может ли она идти *по тому же* самому пути еще дальше или нет?

---

* И у нас есть богословы, которые впадают в эту характерную для Запада, грубую ошибку и возводят свои и чужие мнения в догматы.

Католицизм, превознесшийся над восточным православием, нашел вполне адекватное себе выражение в стремящемся ко власти папстве, постепенно перешел в ультрамонтанизм, иезуитизм и наконец в инфантилизм¹⁵. Очевидно, идти далее нельзя, некуда! Рассуждение доведено до абсурда; остается, стало быть, возвратиться к исходному положению и, проверив его, — отбросить... Вот тот результат, на который мы можем рассчитывать; до этого акта покаяния все наши ожидания будут тщетны! Если бы кто-нибудь, желая добра католицизму, желая избавить его от его недостатков, предложит ему в настоящее время исправиться, его представитель — папа ответит то же самое, что непреклонный Риччи, генерал иезуитов, ответил про свой орден добродушному Клименту XIV, предлагавшему ему исправить состав и статуты ордена: «*Sint ut sunt, aut non sint!*»¹⁶.

То, что можно сказать про католицизм, можно повторить и про протестантство. Оно, хотя и противоположным путем, доходит тоже до уничтожения Церкви. У католиков она уничтожается в пользу одного папы, у протестантов в пользу каждого отдельного христианина; догматическая истина теряет всякое объективное основание, ибо становится в исключительную зависимость от суждения и наклонностей каждого отдельного члена этой мнимой церкви, а с этим вместе уничтожается и самое понятие о Церкви. Свобода превращается в произвол, и христианство незаметно, мало-помалу превращается в унитаризм¹⁷, принимавший, впрочем, иногда самую привлекательную, симпатичную внешность (У. Чаннинг¹⁸), затем в пантеизм и наконец в чистую философскую этику, достигающую иногда высочайшего блеска и бесспорного величия, но не имеющую в себе уже не только ничего церковного, но даже и ничего христианского. И тут, стало быть, мы видим то же, что и в католицизме — *далее идти некуда*; идея протестантства дошла до абсурда, и мир протестантский, наказанный за то, что, восстав на Рим и отделившись от него, не обратился ко вселенской истине, вынужден будет отказаться от своего гордого одиночества и исправить ошибку, сделанную им в XVI столетии.

Указывая на невозможность для нашей Православной Церкви соединиться с Западом, пока он не переменит своей догматической основы, утверждая, что только наша основа и верна, я весьма далек от мысли, что если эта основа безупречна, то и мы безупречны, и что поэтому Церкви нашей нечего и думать об исправлении. Отнюдь нет! Мы охранили, правда, вверенную нам истину, православный догмат остался у нас цел и неизменен; но это не дает нам, чадам нашей совершенной Церкви, считать и себя совершенными. Наоборот, именно потому, что мы ближе к истине, с нас более и взыщется. Со страхом и стыдом пойдем мы отдавать отчет в нашей лени, нашей косности,

в нашем нерадении, в том, что *сдали свою веру в Синод, да и сидим сложа руки!* Это когда-нибудь нам припомнится! Должно, впрочем, заметить, что это обвинение, к несчастью, заслуженное, не относится ко всему нашему народу, а лишь к нашему высшему классу. Народ наш, как он ни темен и ни груб, ни в какую канцелярию, ни в какой синод своей веры не сдавал! Впрочем, в последнее время и в высших классах замечается некоторое улучшение, некоторая отзывчивость на религиозные вопросы, хотя она и выражается иногда очень наивно, чтобы не сказать — невежественно*. Но признавая, что и нам во многом придется исправиться, мы должны помнить, что исправление это совершенно другого характера, нежели то, которое требуется от католицизма и протестантизма. Нам нечего менять в нашем вероучении; нам следует лишь кое-что переоценить в нашем вероучении (отнюдь, конечно, не касаясь догмата), а главное, исправить самих себя, да потеснее всем сплотиться вокруг Церкви. Мы должны подготавливаться к тому событию, которое, без сомнения, укрепит наше единство и придаст нам новые силы... Я разумею *создание Вселенского собора*. Не знаю, трудно ли это или легко, но знаю, что это необходимо и что это становится каждый день *необходимее!*

Отвергая, однако, для нашей Церкви всякую возможность *соединиться в настоящую минуту с Церквями Запада*, мы отнюдь не должны чуждаться *самого Запада*, отшатываться от него, самодовольно углубляться в созерцание своей теоретической правоты и догматической непогрешимости и сидеть сложа руки. Отнюдь нет! Нам вовсе не следует сторониться от остальных христиан; напротив, мы должны изучать их жизнь, усваивать плоды их науки, их культуры. Мы должны перенимать у католиков — их неутомимую энергию, их способность подчиняться авторитету; у протестантов — их способность вводить религиозные идеалы в самую жизнь, нормировать ее своими верованиями, их ученость; мы должны стараться перенимать у них все хорошее, должны любить их, должны особенно *знакомить их* с нашей верою**.

* Укажу на успехи редстокизма — впервые открывшего Христа, до него, как он полагает, вполне неизвестного миру!

** Это было написано за 5 лет до появления книги г. Соловьева «La Russie et l'Eglise universelle», в которой г. Соловьев становится уже прямо на сторону Рима.